

МАРГАРИТА КУЗНЕЦОВА (Йошкар-Ола)

ПРОИСХОЖДЕНИЕ НАЗВАНИЙ ЖИВОТНЫХ В МАРИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Автор статьи провела историко-этимологический анализ 412 названий диких и домашних животных (млекопитающих) в марийском языке, из них 318 названий для диких животных и 94 — для домашних. По происхождению марийские зоонимы делятся на древние слова (27 названий — 6,4%), заимствованные наименования (91 — 22,2%) и собственно марийские образования (294 зоонима — 71,4%). К заимствованным словам не отнесены те названия, которые переняты в финно-угорскую и финно-пермскую языковые эпохи из индоиранских языков.

Около половины древнейших марийских зоонимов, имеющих параллели и в родственных языках, характеризуют диких животных: *šülä* 'еж', *räβäž* 'лиса', *luj* 'куница', *šaške* 'норка', *nerçe* 'барсук', *šurmanše* 'рысь', *ur* 'белка', *urämdo* 'бурундук', *šordo* 'лось', *püčö* 'северный олень'.

К данной группе, по мнению автора, относятся слова *čimuni* 'бурозубка' и *töttö* 'медведь'. Последний зооним получил шаткое объяснение, так как семантически и фонетически близкое слово имеется только в юкагирском языке, см. *мэмэ* 'медведь' (Крейнович 1958 : 283). Лексемы *рывыж* 'лиса' и *шурмангше* 'рысь' следует, по-видимому, считать ностратическими словами ввиду их широкой распространенности во многих языках, как индоевропейских, так и алтайских. А. Йоки, анализируя название лисы в финно-угорских языках, приводит, например, 44 параллели из 28 языков (Joki 1973 : 308—309). Финно-угорским наследием в марийском языке является зооним *коля* 'мышь', который в своем историческом развитии претерпел следующие семантические сдвиги: 'финно-угорское подземное божество, распространяющее различные заболевания' → 'название болезни' → 'животное, переносящее эти заболевания' (см. подробно Кузнецова 1990 : 85—93). Хотя большинство из древних названий диких животных является в настоящее время немотивированными и трудно установить, что легло в основу их номинации, все же, учитывая опыт семантической типологии, можно высказать соображения относительно происхождения отдельных зоонимов, например, *шүлы* 'еж' — 'что-то колючее, острое', *шордо* 'лось' от *шур* 'рог' → 'рогатый', *цымыни* 'бурозубка' — 'мышь, испускающая неприятный запах', *удыρμο* 'бурундук' — 'полосатый' и т. д. Общие названия служат в основном для обозначения широко распространенных животных, пушных зверей. В марийском языке, естественно, отсутствуют древние зоонимы для наименования отдельных диких зверей, на которые было наложено табу. Их заменяют заимствования (см. *пире* 'волк'; *меран* 'заяц') или используются описательные названия (*маска* 'медведь' — см. Кузнецова 1989 : 104—108).

Из домашних животных финно-угры знали прежде всего собаку (см. *ний* 'собака'). Финно-угорским и финно-пермским наследием являются, по мнению автора, следующие названия домашних животных: *вјълб* 'кобыла', *ожо* 'жеребец', *талгыде* 'жеребенок-стригунок', *чома* 'жеребенок', *ушкал* 'корова', *јыкыж* 'бык', *презе* 'теленок', *туна* 'телка', *ври* 'овца', *тага* 'баран', *пача* 'ягненок', *сӱсна* 'свинья' и собирательное *вольык* 'скот'.

Почти все перечисленные названия домашних животных представляют собой заимствованную лексику. Источники заимствования в научной литературе указываются разные, но в основном индоиранские и тюркские. Из приведенных 14 названий *талгыде* 'жеребенок-стригунок' и *тага* 'баран' являются ностратическими словами. Сомнения могут вызвать зоонимы *сӱсна* 'свинья', *презе* 'теленок', *туна* 'телка', *пача* 'ягненок' и *вольык* 'скот', признаваемые большинством лингвистов тюркскими заимствованиями. Конечно, нельзя с уверенностью утверждать, что они являются индоиранским или индоевропейским наследием, это требует дальнейших исследований и на более широком языковом материале. Но все же история скотоводства у финно-угорских народов в целом, народов Поволжья и Приуралья в частности, позволяет не согласиться с существующими мнениями о происхождении отдельных названий домашних животных. Исторические и археологические данные свидетельствуют о том, что первые домашние животные на территории Поволжья были заимствованы в одомашненном состоянии еще в VI—V тыс. до н. э. К ним относится крупный рогатый скот. Начало массового содержания домашних животных относится к концу III — началу II тыс. до н. э. В то время в районе Средней Волги и Прикамья распространилось могучее племенное объединение, культура которого в истории известна под названием волосовской. В ее носителях археологи видят предков финно-пермской общности, положивших начало финно-волжским и пермским пранародам (Халиков 1969 : 386). Волосовцы приобрели навыки в разведении ряда мясных домашних животных и прежде всего свиней, крупного и мелкого рогатого скота. Но домашнее животноводство становится производящим видом хозяйства под влиянием пришлых земледельческо-скотоводческих племен, а именно — балановских, абашевских и срубных. Они были носителями индоевропейских (балановцы) и индоиранских (абашевцы и срубники) языков. Среди археологов существует и такое мнение: местное население Среднего Поволжья научилось основам земледельческо-скотоводческого хозяйства у балановских племен — предков балтских народов, которым были известны все виды домашних животных (Третьяков 1966 : 128). Несомненно одно, что животноводство у поволжских финно-угров было на довольно высоком уровне развития еще до прихода тюркоязычных племен на территорию Средней Волги (см. подробно Кузнецова 1990 : 113—128), и есть все основания полагать, что большинство названий домашних животных в марийском языке относится к древнейшему индоиранскому наследию.

Индоиранские заимствования считаются в финно-угорских языках самыми древними. Из зоонимической терминологии к ним в первую очередь относятся названия домашних животных, которые анализируются в составе древнейшей лексики по той причине, что автор склонен рассматривать индоиранизмы не как заимствования, а как адстратную лексику в финно-угорских языках. Данная лексика характерна для финно-угорского и финно-пермского праязыковых периодов. Здесь следует подчеркнуть, что марийский язык среди поволжских финно-угорских занимает особое место по характеру иранизмов, так как контакт марийских и ираноязычных племен продолжался вплоть до прихода

тюрков на Среднюю Волгу. Среди названий диких животных собственно иранизмов не встречается, но можно предположить, что табуистическое название *пуpe* 'волк', признанное исследователями как татарское проникновение, заимствовано из иранских языков, точнее из осетинского, см. осет. *birāg, berag* < *biru-ka* (Абаев 1958 : 263; Räsänep 1969 : 84; Joki 1973 : 342), ср. тат., башк. *bürä*, кирг. *böru*, узб. *büri* и т. д. В марийском языке отсутствуют примеры на соответствие тат. *й* — мар. *і*.

Следующую группу иноязычных слов в марийском языке составляют тюркизмы. Языковеды утверждают, что приток слов с тюркской стороны в марийский язык оказался особенно могучим. Тюркизмы проникали в разные исторические периоды и с разной степенью интенсивности. Здесь следует остановиться на проблемах механизма заимствования вообще. До сих пор нет единого определения заимствований. Данным словом обозначается как сам языковой процесс, так и его результат. Наличествует пестрота в подаче терминов, отсутствует конкретность и ясность в определениях, что следует считать собственно заимствованием, лексическим проникновением, вкраплением и т. д. (Маковский 1971; Мартынов 1963; 1978; 1983 и др.). М. Маковский, например, пишет, что известны случаи, когда слова какого-либо языка могут иметь сходные фонетические, морфологические соответствия одновременно в нескольких языках, в связи с чем весьма трудно доказать, из какого именно языка попало данное слово в изучаемый язык, в каком из сравниваемых языков данное слово является исконным, а в каком заимствованным (1971 : 125). С подобными явлениями сталкиваемся и в данной работе (см. *рывыж* 'лиса', *сырмы* 'рысь', *талгыде* 'жеребенок-стригунок', *тага* 'баран'). Автор причисляет их к ностратическим словам или словам с ностратическими корнями. М. Маковский обращает внимание на то, что хотя заимствование почти всегда связано с большим или меньшим влиянием одной культуры на другую, оно, в первую очередь, представляет собой языковой процесс (1971 : 125). В качестве заимствований автором рассматриваются слова, вошедшие в марийский язык вместе с реалиями или повсеместно распространенные, не имеющие синонимических рядов. Они характерны в основном для марийского языка в целом. Лексические проникновения появляются в процессе активного двуязычия в районах со смешанным населением, бытуют параллельно с исконными словами для обозначения одной и той же реалии. Способность их укорениться в языке зависит от степени распространенности.

В хронологическом плане наиболее ранними тюркизмами являются болгаризмы (чувашизмы). О собственно чувашизмах в отношении зоонимов не может идти речь, так как они носят маргинальный характер и малочисленны, см. *качака* 'коза', распространенный в волжском говоре марийского языка. Булгаризмами среди марийских названий диких и домашних животных являются 12 зоонимов: *йыпар* 'выхухоль', *йос* 'горноста́й', *пушара* 'хорек', *йывак* то же, *кома* 'выдра', *имне* 'лошадь', *оргамак* 'жертвенная лошадь (хорошей породы)', *шорык* 'овца', *умдыр* 'бобр', *кайык* 'зверь, птица', *овда* 'обезьяна', *пыл* 'слон'. Признаваемые учеными как чувашские заимствования слова *туна* 'телка', *презе* 'теленоч', *тага* 'баран', *пача* 'ягненок', *сõсна* 'свинья' автор относит в разряд древних индоиранских заимствований.

Вторую группу составляют татаризмы. На них приходится 37 зоонимов, 20 наименований диких животных и 17 — домашних. Половина татарских проникновений используется в говорах восточного наречия. Общераспространенными в марийском языке являются зоонимы *йорга* 'иноходец', *явага* 'двухлетняя кобыла', *алаша* 'мерин', *каза*, *кесы* 'ко-

за', арлан 'хомяк'. Известны только в отдельных говорах лугового наречия или в восточном наречии слова *пырыс* 'кошка', *маче* то же, *янык* 'зверь, дикое животное', *маймыл* 'обезьяна', *арслан* 'лев', *паран* 'ягненок', *пашмак* 'телка', *эшак* 'ишак', *шурган* 'крот', *шурланге* 'бурозубка', *йарканат* 'летучая мышь', *порзай* 'борзая', *порсык* 'барсук', *пси* 'кошка', *сылауысын* 'рысь', *йортак* 'рысак', *донгыз* 'свинья', *пыший* 'лось', *блан* 'олень', *пӧлдырык* 'ягненок', *карсак* 'заяц русак', *юмыран* 'суслик', *кундыз* 'бобр', *кӱзан* 'хомяк', *мал* 'скот', *малтуар* то же, *тырлык* то же, *хайван* то же, *йолбарыс* 'лев', *тые* 'верблюд', *байбак* 'сурок'.

Из остальных тюркских языков вошли названия *куна* 'росомаха', *мыший* 'лось', *ишаньык* 'телка', *койшорык* 'курдючная овца'. Все они являются лексическими проникновениями. По мнению автора данной статьи, большинство названий диких животных, заимствованные из тюркских языков, на раннем этапе служили в качестве эвфемизмов из-за словесного табу, в дальнейшем в процессе развития они вытеснили исконно финно-угорские слова и вошли в лексическую систему марийского языка.

Монгольским по происхождению является, по всей вероятности, табуистическое название *меран* 'заяц'. Но трудно угадать, что побудило заимствовать именно данное слово, что легло в основу номинации. Автор предложила два возможных пути развития слова. М. Маковский утверждает, что в процессе истории слово может иметь не одну, а несколько разнообразных семасиологических связей, одно и то же слово может восходить к двум или более различным прототипам и что многозначная этимология или полиэтимологичность слов является следствием некоторых принципиальных и неотъемлемых характеристик самого слова (1986 : 10).

Последнюю большую группу иноязычных названий животных составляют русские заимствования и проникновения. Поток их в марийский язык в последнее время увеличивается. Подчеркнем, что русизмы в основном употребляются в речи молодого поколения. Автор считает, что данное обстоятельство объясняется не столько тягой к русским словам, сколько незнанием собственно марийских народных терминов. Из проанализированных марийских названий животных определенная часть зарегистрирована только в словарях, в разговорной речи они не используются. Но надо полагать, что данные названия все же бытовали в марийском языке и многие из них вполне могут стать литературной нормой марийского языка вместо используемых русских эквивалентов. Русские зоонимы по времени их проникновения являются более поздними. К ранним заимствованиям из области зоонимии относится лексема *коти* 'кошка' (см. Кузнецова 1990 : 107—112). Анализ русских названий животных показывает, что одни из них проникли в марийский язык вместе с реалиями, например, *выхухоль*, *енот*, *песец*, *ондатра*. Все эти животные акклиматизировались в Марийском крае в недалеком прошлом. Для некоторых животных, встречающихся в крае довольно таки редко или на ограниченной территории, народные названия отсутствуют или имеются только в определенном говоре. Это касается, в первую очередь, шакала, росомахи, колонка, белки-летяги, суслика, тушканчика и соболя. Некоторые из них имеют марийские варианты названий, но они, эти названия, не известны широкому кругу населения. Обычно народная терминология богато представлена в отношении распространенных животных или имеющих какую-то практическую ценность для человека. Например, для мышеобразных и полевок отсутствуют народные названия, все они объединяются общим зоонимом *коля* 'мышь'. Три русских проникновения обозначают животных, не ха-

рактерных для территории республики: *обезьян* 'обезьяна', *котык* 'котик', *туле* 'тюлень'. Среди названий домашних животных русских проникновений нет, имеется одно собирательное название *скотина* 'скот'. Слово *утрец* 'нутрец' зарегистрировано только в горном наречии. Всего анализу подвергнуто 37 русизмов. Подчеркнем, что половина из них имеет марийские синонимы: *выхухоль* — *йыпар*, *соболь* — *лумшо*, *кыр-настай* — *шимпач*, *норка* — *шашке*, *хорек* — *пушара*, *барсук* — *нерге*, *выдра* — *кома* и т. д. Известно, что иноязычные слова, употребляемые наряду с соответствующими марийскими словами, могут постепенно вытеснить их. Этот процесс активно происходит в пограничных районах — районах двуязычия.

Из зоонимов, заимствованных из родственных языков, исследователями приводятся два названия: *талгыде* 'жеребенок-стригунок' и *вўльб* 'кобыла'. Они считаются пермскими заимствованиями. О зоониме *талгыде* 'жеребенок-стригунок' говорилось выше, а *вўльб* 'кобыла' совместно с *ожо* 'жеребец', *чома* 'жеребенок' (сюда можно включить и *талгыде*) следует характеризовать как слова, свойственные марийскому и пермским языкам, так как по сравнению с родственными параллелями они имеют одинаковое фонетическое оформление и несут одинаковую семантическую нагрузку. Судить о том, какой из языков является заимствующим, трудно.

Многочисленную группу составляют зоонимы, образованные в системе марийского языка (294 названия — 71,6%). Большинство из них — составные наименования, в роли основного компонента которых выступают общеизвестные зоонимы. Так, слово *коля* 'мышь' участвует в образовании 36 сложных и составных терминов для номинации не только подвидов мышеобразных, но и представителей других видов животных. Лексема *меран* 'заяц' выступает в 16 зоонимах, относящихся к отряду зайцеобразных, четыре из них служат для обозначения кролика. Любопытно отметить тот факт, что в образовании сложных и составных наименований диких животных в качестве основного компонента нередко выступают названия домашних животных. Автором зафиксировано 35 зоонимов, из которых девять образованы с лексемой *сбсна* 'свинья', шесть со словом *каза* 'коза' пять — с *пырыс* 'кошка' и т. д. Из названий диких животных участвует всего один зооним *меран* 'заяц' для обозначения кролика, если последнего считать домашним животным.

Среди зоонимов, образованных на базе марийского лексического материала, имеются несоставные названия, морфологическая структура которых с точки зрения современного марийского языка не поддается разложению, это *шошио* 'еж', *удыр* 'крот', *лумуж* 'соболь', *войсьмо* 'лесная мышь' и табуистическое название *маска* 'медведь'. Под знаком вопроса остаются этимологии слов *лумуж* 'соболь' и *войсьмо* 'лесная мышь', относительно происхождения которых высказываются только предположения.

Ономатопозэтическими по своему происхождению являются зоонимы *вычыранге* 'летучая мышь', *пивис* 'собака', *киська* то же, *кўсика* 'кошка'. Ономатопозэтические слова подразделяются на две группы: а) подражание звуком звуку; б) подражание звуком незвуковым явлениям — движению, размеру и т. д. Более важны и сложны проблемы, связанные со второй группой, так как связь между звуком и смыслом менее очевидна. Марийские зоонимы *киська* 'собака' и *кўсика* 'кошка' образованы от подзывных междометий с деминутивным суффиксом *-ка*. Менее ясным остается происхождение термина *пивис* 'собака', хотя и здесь выделяется вокативное междометие. *Вычыранге* 'летучая мышь' относится к первой группе ономатопозэтических слов, но в данном слу-

чае оно оформлено суффиксально. Исследователи отмечают, что между оноματοпозитическими словами разных языков часто наблюдается паразитическое сходство. По мнению С. Ульмана, данное обстоятельство объясняется не историческими связями, а изначальным родством (1970 : 258). Автор исходит из положения, что оноματοпозитические слова могут развиваться в каждом языке самостоятельно, заимствование здесь маловероятно, речь может идти только о т. н. странствующих словах (см. также Gunda 1982 : 189—202).

Среди собственно марийских зоонимов выделяется значительная группа подставных наименований (58), используемых в качестве эвфемизмов для номинации табуированных животных. Современные марийские названия медведя, волка, зайца также являются словами табу. Используемые вначале как эвфемизмы, эти слова в дальнейшем утратили свой эвфемистический характер, т. е. приобрели полное и прямое значение того слова, для замены которого были созданы (см. Лауде-Циртаутас 1976 : 73). В этом случае нередко возникает необходимость в новой замене. Так, марийский язык в настоящее время богат описательными названиями для зайца (32), для медведя (8), для волка (7), для лося и оленя (3). По одному подставному наименованию приходится на лису, соболя, хорька, белку. Из домашних животных эвфемизмы имеются для названий свиньи, овцы и лошади. Следует подчеркнуть, что замещение табуированного названия животного почтительным обращением, родственным именем человека характерно только для медведя, см. *маска* 'медведь', перв. 'маленький человек, маленький мужчина, мужичок' и подставные наименования *чодра оза* 'хозяин леса', *торешйол йолташ* 'друг косолапый' и др.

Остальные подставные названия от основной массы зоонимов отличаются своей семантической структурой, так как стержневым словом в них выступают не название животного, а существенные признаки или функции его. В рассматриваемых марийских примерах подчеркиваются большей частью особенности строения тела зверей. Из 58 подставных наименований подобную семантическую конструкцию имеют 33 названия. В остальных эвфемистических образованиях произошло замещение табуированного названия общим названием подобных зверей, см. *юлгыкек* 'волк' = 'страшный зверь', *кожлакайык* 'заяц' = 'лесной зверь', или названием по признаку, характеризующему положительные свойства животного, см. *чинче каик* 'соболь' = 'жемчужный зверь' и т. д.

Среди описательных названий имеется пять конструкций, образованных с помощью действительных причастий: *чыве кочио* 'хорь' = 'поедающий кур', *лумјмбач тӱрштышӱ* 'заяц' = 'прыгающий по снегу', *нур гоч кайыше* 'заяц' = 'идущий по полю', *пече гоч тӱрштышӱ* 'заяц' = 'прыгающий через плетень, изгородь', *шенгек чумалтарыше* 'заяц' = 'лягающий назад'.

В целом, марийская зоонимическая терминология (названия млекопитающих) по происхождению подразделяется на три группы: генуинные слова, куда входят древние названия, имеющие параллели в родственных языках, собственно марийские образования и заимствования из иранских, тюркских, русского и других языков. Среди генуинных слов есть как мотивированные, так и немотивированные названия. Среди зоонимов, созданных непосредственно в системе марийского языка, имеются составные и несоставные названия. Несоставные наименования по своему происхождению являются словами оноματοпозитического характера или табуированными. Среди составных выделяется небольшая группа подставных названий, отличающихся своей семантической структурой. Среди зоонимов, вошедших в марийский из дру-

гих языков, различаются собственно заимствования и лексические проникновения. Последние по своему происхождению являются более поздними и характерны в основном для говоров восточного и лугового наречий марийского языка.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. 1958, Историко-этимологический словарь осетинского языка, т. I, Москва—Ленинград.
- Крейнович Е. А. 1958, Юкагирский язык, Москва—Ленинград.
- Кузнецова М. Н. 1989, Об одном табуистическом зоониме в марийском языке. — СФУ XXV, 104—108.
- 1990, К этимологии названия *коля* в марийском языке. — FU 16, 85—93.
- 1990, К этимологии названий кошки в марийском языке. — FU 17, 107—112.
- 1990, О названиях домашних животных в марийском языке. — FU 17, 113—128.
- Лауде-Циртаутас И. 1976, К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках. — Советская тюркология, № 4, 72—86.
- Маковский М. М. 1971, Теория лексической аттракции. Опыт функциональной типологии лексико-семантических систем, Москва.
- 1986, Английская этимология, Москва.
- Мартынов В. В. 1963, Славяно-германское лексическое взаимодействие древнейшей поры, Минск.
- 1978, Балто-славяно-италийские изоглоссы. Лексическая синонимия, Минск.
- 1983, Язык в пространстве и времени. К проблеме глоттогенеза славян, Москва.
- Третьяков Н. П. 1966, Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге, Москва—Ленинград.
- Ульман С. 1970, Семантические универсалии. — Новое в лингвистике, Москва, 250—299.
- Халиков А. Х. 1969, Древняя история Среднего Поволжья, Москва.
- Gunda, B. 1982, Terelőszavak és európai pásztormigrációk. — NyK 84, 189—202.
- Joki, A. 1973, Uralier und Indogermanen. Die älteren Berührungen zwischen den uralischen und indogermanischen Sprachen (MSFOu 151).
- Räsänen, M. 1969, Versuch eines etymologischen Wörterbuches der Türkssprachen, Helsinki (LSFU XVII).

MARGARITA KUZNECOVA (Joškar-Ola)

DI E ENTSTEHUNG DER TIERNAMEN IM MARISCHEN

Der Artikel behandelt die Probleme der Entstehung der Tierbenennungen im Marischen. Der Entstehung nach werden die marischen Zoonyme in drei Teile gegliedert: die genuinen Wörter, die Entlehnungen und die Benennungen, die in der marischen Sprache entstanden sind. Unter genuinen Benennungen gibt es sowohl motivierte als auch unmotivierte Tiernamen. Die eigentlichen marischen Bildungen gliedern sich in die zusammengesetzten und nichtzusammengesetzten Wörter. Nichtzusammengesetzte Benennungen sind ihrer Herkunft nach onomatopoetisch oder sie stellen Tabuwörter dar. Die entlehnten Tiernamen kommen aus den iranischen und Turksprachen und aus dem Russischen.